

Ерохин И.Ю. ©

Кройдон Колледж, Лондон, Великобритания

К ВОПРОСУ РОЛИ И ЦЕННОСТИ ИНСТИТУТА КАЗАЧЬИХ ВОЛЬНОСТЕЙ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВА

Аннотация

Долгое время официально считалось, что система казацких вольностей и казацкого права есть антагонисты системы формирования менталитета, идеологии казацкого государственного служения. Автор выдвигает иную гипотезу, об институте казацких вольностей как неотъемлемой части института казачьей государственности в их взаимосвязи и диалектике развития.

Ключевые слова: казаки, государство, власть, общество, право, история, Россия, народ, нация, воля.

Keywords: Cossacks, state, government, society, law, history, Russia, the people, nation, will.

Казачество в момент своей древнейшей истории зарождается и формируется как общность людей вольных, гордых, свободолюбивых, независимых от государства и общества, отличающихся исключительной энергией, духом предпринимательства и бунтарства. Казачество этого периода было сосредоточено, главным образом, на территориях современной Украины, Дона, Поволжья, чуть позднее, территориях, - Урала, Кубани, Терека. Трудно назвать любую другую национальную, этно-социальную, культурную группу на территориях древней Руси, подобную сколь либо казачеству, которая с таким же упорством и самоотверженностью, как оно, защищала свои вольности, держалась за свой традиционный самобытный уклад жизни, и столь же дорожила им. По образному выражению Н.В.Гоголя, казачество, - «широкая, разгульная замашка русской природы, необыкновенное явление русской силы, которые вышибло из народной груди огниво бед».[25, с.32] Историки говорят о том, что казачество было рождено степью, ее просторами, ими и жило.[2]

Многие историки прямо и открыто говорят о том, что в XV-XVI вв., и вплоть до середины XVII столетия, по всем признакам казацкий этнос российской государственностью воспринимался как чужеродный ей элемент, вредный и опасный. Некоторые исследователи идут и того дальше, распространяя эту традицию и на всю последующую историю казачества.[14, с.1] «С конца XVII, в начале XVIII и XIX столетиях власти ведут активную политику ускоренной русификации казачества. Казачество упорно сопротивляется. В 20-е, 30-е годы XX в. наступает эра прямой и бескомпромиссной вооруженной борьбы абсолютного большинства казачьего населения с Советским государством, которая завершится чудовищным геноцидом казачьего народа. В 1940-е – 80-е гг. геноцид был последовательно и преднамеренно заменен политикой государственного этноцида, когда советская пропагандистская машина методично стирала историческую память народов». Вот такую малопривлекательную картину рисует часть историков, рассматривающая всю историю казачества в целом именно под углом противостояния его государству и государственным институтам. И.Л.Омельченко считает, что в рассматриваемые периоды сама ситуация исключала «всякий союз казаков и власти».[29, с.5] Свидетельства древних авторов, известных историков и ранние материалы по истории казачества скорее не опровергают данных утверждений, а служат в поддержку одной концепции.

Классики истории в лице С.М.Соловьева, В.О.Ключевского, С.Ф.Платонова и др. видели в казачестве, прежде всего, антигосударственное начало. С.М.Соловьев отмечал грозность и разрушительность этого начала: «Иногда была опаснее кочевых орд».[39, с.61-62]

Такой авторитет исторической науки, как В.Н.Татищев говорит о «разбойных началах» и вольностях казачества следующее в своей «Истории Российской...»: «Первые козаки, зброд из черкес горских, в княжении Курском в 14 ст. явились; где они слободу Черкасы построили и под защитой татарских губернаторов воровством и разбоями промышляли; потом перешли на Днепр и город Черкасы на Днепре построили».[41, с.240]

Историк Н.М.Карамзин указывает на факты того, что в борьбе за свои вольности казачество охотно шло на союзы с различными народами и правителями супротив иных, при этом бережно охраняя собственное государственное начало раннего казачества: «Более и более размножаясь числом, питая дух независимости и братства, Козаки образовали воинскую Христианскую Республику в южных странах Днепра, начали строить крепости в сих опустошенных Татарами местах; взялись быть защитниками Литовских владений со стороны Крымцев, Турков и снискали особенное покровительство Сигизмунда I, давшего им многие гражданские вольности вместе с землями днепровских порогов, где город Черкасы назван их именем.»[16]

Правовед и историк М.Ф.Владимирский-Буданов говорил об идеях вольностей на раннем Дону: «На Дону уже издревле (еще при существовании великого княжества Рязанского) выходцы из государства, большей частью недовольные новым государственным строем, основали свободные казацкие общины...»[5, с.123] Подтверждением обоснованности данных слов служат свидетельства из дипломатических источников. В переписке с представителями турецких султанов и крымских ханов Москва характеризовала донских казаков как, - «всяких земель беглых людей, воров», «воров, беглых людей без государя...»[37, с.7-9] Сами казаки всячески поддерживали это мнение, провозгласив на многие десятилетия ставшим ключевым лозунг, - «С Дона выдачи нет!». И в более поздние периоды именно донские казаки тяготеют и стоят в первых рядах переселенческих и первопроходческих мероприятий.

Д.И.Иловайский, описывая ситуацию в Рязанском княжестве, о казаках скажет, - «В придонских степях собирается в XV в. вольница из русских беглецов-разбойников».[13, с.203]

Не случайно, что одна из основных и одна из самых старых теорий о происхождении казачества, наитеснейшим образом связана с вопросом «казацких вольностей». Эта теория в исторической литературе получила наименование «казенной»[45] или «бегло-холопской». По мнению ее основателей бежавшие от феодальной эксплуатации и притеснений крестьяне и были первыми казаками на земле российской, а первичное оформление казачьих поселений должно быть датировано серединой XVI в.[40, с.4] Более того, современный историк И.Я.Куценко выдвигает новую, свою собственную теорию происхождения казаков, но что симптоматично, вновь связывает ее с принципами казачьих вольностей. По его версии, казачья общность, - это «самобытная народная демократия, превратившаяся в служилое сословие».[20, с.24]

Оценивая состояние дореволюционной историографии по вопросам казачества, политолог А.Е.Мохов прямо и однозначно в числе прочих слабостей дореволюционных научных концепций указывает и вопрос освещения противоречивости, конфликтности казачьей истории. Он пишет: «Дореволюционные и послереволюционные труды представителей эмиграции по казачьим вопросам, несмотря на свою многочисленность, страдают главным образом, двумя недостатками: невысокой в целом степенью аналитичности, что можно объяснить недостаточным развитием в то время междисциплинарного подхода, а также порой отсутствием у авторов должной объективности и беспристрастности в исследовании казачества, стремлением обосновать версию о его изначально верноподданнической роли в жизни российского государства. При этом авторами часто замалчивались имевшие место между казаками и государственными органами России жесткие конфликты, возникавшие на протяжении всего периода их взаимного существования. Дореволюционные исследователи казачества находились под большим влиянием общественно-политических и научных концепций, согласно которым казаки, то представлялись изгоями общества, то их роль в становлении и развитии российского государства чрезмерно восхвалялась».[29, с.4-5] Хотя эти слова были произнесены еще в 2005 г. положение в исторической науке менялось крайне слабо.

Современное казачество отводит вопросу казачьих вольностей в системе общих понятий и структуры казачества достаточно важное место. Казаки – члены редакции альманаха «Казачий круг» говорят, - «Казачество было уникальным социальным образованием, воплотившем в своем облике ряд черт, сочетание которых делало его живым носителем государственности, основанной на свободе и порядке, естественным образом заложившего целый пласт наших национальных демократических традиций».[32, с.3] Именно исходя из этих составляющих казаками делается важный вывод о том, что «в мыслях о путях переустройства и возрождения России казачье наследие может помочь заново осмыслить и восстановить жизнеспособные российские демократические институты, наполнить новым содержанием традиции, у которых гораздо больше шансов на выживание, чем у передовых, но механически перенесенных с Запада».[32, с.3] При этом исследователь В.В.Кузьмин говорит о недостаточной степени использования всего потенциала казачьих традиций, накопленного опыта поколений: «Казачье движение, по сути дела, отказалось от реанимации тех староказачьих ценностей, которые... могли бы стать составной частью гражданского общества. Это, прежде всего, ценности демократии, свободы, равенства, дистанции от государственных институтов...» [36, с.112]

Достаточно интересный подход к трактовке и оценке системы казачьих вольностей предлагается современным исследователем В.А.Шуковым. Главный редактор казачьей газеты «Станица» В.А.Шуков[43;44] пытается рассмотреть идеологию казачьих вольностей через призму всеобщей и глобальной философии казачества. В основу его концепции были положены труды казачьей эмиграции в лице С.Г.Елатонцева, Б.И.Уланова, Б.Кременского, В.М.Кузнецова, В.А.Харламова.[27, с.2] Развивая мысль казачьей эмиграции, Шуков делает вывод о том, что «следует различать понятия Казачья Идея и Идея Казачества. Если Казачья Идея – это внутреннее, для себя существующее казачье понимание целей и смысла жизни, то Идея Казачества – это внешнее для казачества представление, существующее помимо и независимо от него в душе русского народа».[43, с.5] Говоря уже о «продукте внутреннем», В.А.Шуков говорит и о собственно вольностях, определяя их роль, смысл и назначение следующим образом, - «Казачья идея – это жизненные нормы личной свободы, вольности и равноправия, воспитанные у казака образом жизни и всей системой самоуправления казачества».[43, с.6] В своих публикациях В.А.Шуков говорит об опасности и самоубийственности для казачьего сообщества недооценки системы традиций и идеологии вольностей в угоду «формирования служилого сословия», считая этот путь тупиковым в истории общности.[44, с.4-5, 6] Идею об узости и односторонности исключительно «сословно-служилого» подхода к вопросам казачества в современный период разделяют не только историки и публицисты. Точь-в-точь о том же и почти теми же словами говорят и представители других наук. Например, политолог А.Е.Мохов считает: «В настоящее время в органах государственной власти пока во многом доминирует «сословная» точка зрения на перспективы развития казачества. Подобный упрощенный подход к решению проблемы основывается, очевидно, на отрицании того, что казачество в имперский период характеризовалось как сословными особенностями (приобретенными именно под воздействием государства), так и культурно-этническими, причем последними – в наибольшей степени. Это объективное положение вещей нельзя игнорировать, ибо это может привести к новым ошибкам в определении основ политики российского государства в отношении казачества и возникновению новых проблем, вместо слаженной и результативной работы по строительству новой российской государственности».[29, с.20] Так же можно обратиться к иностранным источникам и авторам, которые ссылаются на важность осознания и понимания процессов, происходящих в отдельных этнических и культурных сообществах, для понимания сути процессов уже глобального характера и масштабов. Известный этнолог Ф.Боас писал: «Мы должны и обязаны понять процесс развития индивидуальных культур, прежде чем сможем попытаться установить законы развития культуры человечества».

Кроме А.Е.Мохова по вопросу высказывались и иные исследователи. Многие из них увидели перекося в организации научно-исследовательского процесса по вопросу казачества в угоду

«сословной» версии, что считали совершенно неоправданным. Особую активность проявили представители политических наук. Политолог О.В.Ковалева замечает: «Поскольку современное казачество с самого начала настойчиво изъявляло желание играть роль самостоятельного субъекта в политике, извлекая свой интерес из взаимодействия с государственными институтами и политическими партиями, с субъектами Российской Федерации и странами ближнего зарубежья, особое внимание заслуживает прикладной характер проблематики, а именно проявление и эксплуатация «этнического» компонента идеи казачества.»[17, с.1] При этом Ковалева опосредованно говорит и о факторе казачьего дуализма, объясняя его в основном не объективными внутренними причинами развития казачества, а причинами внешнего и стихийного плана. Несмотря на это замечание, ситуация описывается достаточно детально и справедливо, - «Ситуативность поведения казачества в установлении взаимовыгодных отношений с государством и импульсивность, непоследовательность государственной политики по отношению к казачеству определили весь дальнейший путь развития казачьей идеи и идеологии.»[17, с.1] Основная ответственность за недооценку роль «этнического элемента» в казачестве, по мнению автора, должна быть возложена на элементы властной вертикали, органы власти, - «Стремление государства в лице исполнительной власти осуществить политику «социализации» казачества, т.е. юридически оформить его сословность, очевидна и безальтернативна с прагматичной точки зрения. Столь же очевидной является необходимость учитывать влияние этнического компонента казачьей идеологии, особенно в регионах межнационального характера.»[17, с.1]

Бунтарями и воинами именовал казаков историк В.И.Лесин.[21] Многие из современных представителей исторической науки считают определение данное Лесиным наиболее ярким и четким, и охотно используют его в своих работах.[22, с.6] Они считают, что именно этим словосочетанием и определяется глубинная сущность казачества. Несмотря на всю спорность взглядов и мнений русских националистов, они придерживаются именно «лесинской» версии основ казачества: «Казачество являлось и должно оставаться основным каркасом русского народа, русского общества. Глобализация приводит к массивным миграционным потокам на русские территории из внутренних регионов с особой этнической средой и зарубежных государств, утративших связь с русским народом. Все более востребованными становятся внутренние механизмы нейтрализации негативного влияния этих явлений. Возможность государства к нейтрализации негатива зависит от многих, но контролируемых обществом факторов. Казачество является самостоятельным постоянно действующим инструментом общества, способным формировать комфортную и безопасную среду существования.»[15, с.2] В военной силе и своеобразии традиций заключена глубинная стабилизирующая сила казачьего этноса. А традиции это, в т.ч., и в большей части, – исконные казачьи вольности. О силе духа казаков по борьбе за волю говорит письмо, найденное в ранце убитого под станицей Шкуринской в период Второй мировой войны немецкого солдата Альфреда Курца. Курц писал: «Все, что я слышал о казаках времен войны четырнадцатого года, бледнеет перед теми ужасами, которые мы испытываем при встрече с казаками теперь. Одно воспоминание казачьей атаки повергает в ужас и заставляет дрожать. По ночам я галлюцинирую казаками. Казаки – это какой-то вихрь, который сметает на своем пути все препятствия и преграды. Мы боимся казаков как возмездия всевышнего.»[4, с.1]

С вопросами военной службы в отношении казачества все было далеко не так просто, как это может показаться на первый взгляд. Источники повествуют: «Казаки до самых Азовских походов Петра Великого 1695-1696 гг. противились строительству русских военных крепостей и не желали в них «сидеть». Государевы ратники жаловались на то, что донцы их «бьют и грабят и дров сечь под городками своими казачьими не дают».[19, с.349,352] С.М.Маркедонов отмечает, - «вольные донские казаки не были обязаны службой государству».[22, с.8] Какая-либо иерархия, субординация, чиновничество отсутствовали. В 1579 году в период Ливонской войны казаки просто ушли из состава русской армии. Это событие произошло в крепости Соколы. Уже в период 1633 г. части казаков оставили Смоленск при его осаде польскими частями. Уходили и в период 1655 г., - Польской войны.[22, с.8;11, с.535] В Архиве Омской области содержатся данные о побегах

казаков со службы.[173]

Историк А.Н.Малукало в ряде своих работ ссылается на отписки московского правительства в 1538, 1549, 1550 гг. ногайским мурзам о том, что казаков «в поле» московские власти просто не в силах контролировать.[35, с.217-218] Для этого не хватало ни сил, ни средств. К XVII в. ситуация не претерпела кардинальных изменений. Г.Котошихин говорил, - «Несмотря на широкое привлечение донских казаков для промысла военного, дана им на Дону жить воля, начальных людей меж себя, атаманов и иных, избирают и судятся во всяких делах по своей воле, а не по царскому указу...»[18, с.107]

Изначально казачьи поселения в Запорожской Сечи и на раннем Дону больше напоминали некие военно-духовные и полностью закрытые для проникновения из вне общности, рыцарские ордена[3;12], только на славянской почве и основе. Е.Морозов отмечает: «Казачество – уникальное явление в социальной мозаике планеты, осколок древнего комплекса военных мужских союзов». [28, с.1] Не иначе, как «степными рыцарями» называли казаков и представители т.н. «Вольноказачьего движения».[24, с.4; 126]

Историк М.А.Рыблова пишет о характерных особенностях этих групп: «Понятно, что на «сквозняке» Дикого поля удерживались лишь определенные категории населения, обладающие своеобразными культурными стереотипами».[34] В письме от 26 мая 1632 г. Михаилу Федоровичу Романову и патриарху Филарету Никитичу донцы пишут о своей старине, традициях, в которых они не повинны: «И крестного целованья, государи, как и зачался Дон казачьими головами, не повелось».[26, с.162] Об этом же говорит в цикле своих работ Д.В.Сень, приводя ссылки на авторитетные исторические источники[38, с.9-10], - «При первых Романовых казаки упорно отказывались целовать крест, апеллируя к практике времен «зачатия Дона». Присягать А.Романову в 1645 г. они отказывались по той же причине, что и Михаилу в 1632 г., и были весьма упорны: «Казачье сообщество не может заставить по-христиански присягать донцов, среди коих имеется много нехристиан и большинство которых родилось от басурманок».[42, с.137] Положение сохраняется вплоть до второй половины XVIII в. По сообщениям священника ст.Терновской в 1763 г. в ней «не обреталось ни одного жителя «во изображении и заключении тайны Святой Троицы в троеперстном сложении...»[6] Не только донцы, но и терцы доставляли своим религиозным упорством официальным властям много хлопот. Массово казачество отказывалось ходить на исповеди и в церкви. Известен случай, когда идти на исповедь в 1763 г. отказалось более 700 терских казаков.[7, с.73] Ряд монографий, исследований и трудов детально обследовали и описали количество казаков – раскольников в составе ряда казачьих войск, например, - Сибирском. Много материалов находим и в фондах местных, краевых архивов.

Именно в этот период ранней казачьей истории для казачьего сообщества были характерны признаки, о которых говорит в своих исследованиях проф. С.В.Передерий: «Парадигма российского казачества как русского субэтноса базируется на признании исторических фактов формирования казачества из гетерогенных народов при сохранении славянской, великорусской антропологической доминанты и основы. У казачьей социальной общности, наряду с общими для всего этнического великорусского населения доминирующими признаками, были и существенные специфические групповые отличия в культуре, психологии, военно-служилом образе жизни. Представители инородных этнических групп, приписанные к казачеству и не желавшие соблюдать казачий уклад, выживались из казачьих общин, подвергались люстрации на межличностном и личностно-групповом уровнях...Быть казаком – значит жить по казачьему укладу, и не как иначе...»[31, с.3] В мае – августе 1918 года на Дону в казаки было поверстано 417 иногородних в знак признания их заслуг в борьбе с большевизмом за исконные казачьи ценности, защиту традиций и вольностей. В тоже время на этот год значится исключенных за проступки, отступничество, предательство казачьих интересов, - более 1400 приговоров. В дополнение к этим цифрам еще 300 человек было изгнано за пределы войска Донского. Не обходилось, однако, и без явных казусов. Так истории известны случаи поверстания в казаки немецких офицеров в период Второй мировой войны, находящихся на службе Рейха.[4, с.4] Генералу Гельмуту фон Паннвицу 21

марта 1944 г. решением схода терского казачества была преподнесена грамота, согласно которой он становился полноправным членом терского казачьего сообщества с припиской к станице Ессентукской. А терскую черкеску он стал носить и того ранее, - с января 1944 г.[4, с.4; 157]

«На Дон приходили представители всех сословий... Созданное общество обладало демократическим устройством, проводило самостоятельную внешнюю политику. Казаки не были обязаны службой государству, не приносили присяги («крестного целования»). Вместе с тем, с первых дней своего существования казачество вело борьбу с турецко-татарской экспансией, закрывая с юга границы Московского государства. Казаки были фактически бесплатным войском Москвы, куда более эффективным, чем собственные вооруженные силы. Государство видело в «степных рыцарях» две стороны, - «вольность» и военную силу».[23, с.3; 22]

Ранние казачьи общины Запорожской Сечи и Дона были очень схожи друг с другом. В угоду идеологии своих вольностей, своего особого жизнеобеспечения, вопросов несения военной службы они отказывались от института семьи. Семей на Дону и Сечи не существовало. Отсутствие института семейных ценностей было объективным тормозом для развития казачьих сообществ, и позднее они изменяют свою позицию. Но, в период раннего казачества иное положение не мыслилось. Женщины сечевики и донцы не дорожили, смотрели на них как на обузу. Историк Ригельман писал об этих представлениях: «Если кому жена уже немила и неугодна или ненадобная, оных (жен) менять, продавать и даром отдавать мог, вода по улицам и вдруг крича: «Кому любя, кому надобна? Она мне гожа была, работяща и домовита. Бери, кому надобно.» И если выищется кто оную взять, договаривались ценою или какою меною, по случаю же и за попойку, отпустят ее из рук, отдавали. Когда ж взят жены никто не выискивался, то и так на волю отпускали».[33, с.95] За разные же проступки, к числу которых относилась и «продерзость», женщинам мужья насыпали речного песку за пазуху, привязывали камень к шее и топили в воде и вообще казнили, не давая никому в том отчета и не неся вовсе никаких наказаний. Порядки были суровые, но это были казачьи порядки, и сообщество ими дорожило. Еще более сурово поступали с нашкодившими детьми, а так же младенцами. По Ригельману видим: «сказывают же, что когда стали посягать жен, то, по общему приговору, младенцев, родившихся у них, сперва в воду бросать установлено было для того, чтобы оные отцов и матерей для промысла не обременяли. Но потом обществом же приговорили, дабы мужского пола младенцев вживе оставляли, а женского роду в воду метали».[33, с.95] Демократизм вольностей уживался в сообществах с бесчеловечной жестокостью. Такой подход считался проявлением рациональности. Власти такое положение было явно невыгодно, она пыталась активно «насадить» запорожцам и донцам семейные ценности. Одной из косвенных причин разорения Екатериной II Сечи и переселения черноморцев на Кубань, по мнению источников, стало то, что императрица хотела напомнить «вольнлюбцам», - «вже треба женитися» (по выражению одного из первых казачьих поэтов А.Головатого). «Исполнив августейший совет, казаки, помимо Бога, Царя и Отечества (Родины), получили над собой еще и родыну (семью), т.е. жинку с кучей постукивающих ложками ребятишек.» Однако, такому положению упорные казаки долго и настойчиво сопротивлялись.

Рудименты описанного подхода встречаются и в более поздней истории казачества, что говорит о том, что он не изживался полностью. Анонимный источник в газете «Русское слово» уже в цивилизованном XIX в. (1863 г.) писал об этих настроениях: «Кто бывал в наших станицах, тот прекрасно знает, до какой степени этот порок развит... В наших судах то и дело производятся дела об убийствах жен! Вытравление плода, изнасилование невестки, или даже дочери, такие ужасные вещи, с которыми мы сжились, свыклись...»[30]

В целом, идеология казацких вольностей оказала огромное влияние на развитие казачества в системе государства и государственных ценностей. Она обеспечила закономерное, поступательное и диалектическое развитие общности, превратила казачество именно в ту влиятельную силу, которой оно явилось на момент распада Российской империи в феврале 1917-го г. Отдельные моменты этих процессов отражены в авторских работах.[8-11]

Литература

1. Аверкиева Франц Боас // Институт этнографии. Краткие сообщения. М., 1946. Вып.1. – С.13-15.
2. Аджиев М. Рожденные великой степью // Спутник-дайджест. №8. 1992. – С.15-21.
3. Болдырев Ю. и др. Рыцари России // Живое слово. 1990.
4. Бурда Э. Казаки в Великой Отечественной Войне. По обе стороны фронта. Часть I. <http://www.apn.ru/publications/article24129.htm> [Электронный сетевой ресурс]
5. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1900.
6. Государственный архив Ростовской области. Ф.55. Оп.1 Д.1490. Л.51.
7. Гриценко Н.П. Из истории старообрядчества на Тереке в XVIII – XIX веках // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1977. Т.11.
8. Ерохин И.Ю. Этно-социальные традиции и ценности казачества // Научный аспект. 2013. Т.2. №2(6). – С.167-168.
9. Ерохин И.Ю. Парадоксы истории развития казачества // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. №12-1. С.153-154.
10. Ерохин И.Ю. Казачество и государственность // Научно-информационный журнал Армия и общество. 2013. №2(34). С.74-79.
11. Ерохин И.Ю. Государство: роль и влияние на трансформации казачества // Общество и право. 2013. №3(45). С.323-325.
12. Запорожская Сечь. Рыцарский орден Днепра. Сб. документов. М.: Алгоритм, 2004.
13. Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М., 1884. – 254с.
14. Казаки в государственной системе Российской Федерации: противоречия и перспективы // Казачий Информационно-аналитический центр. 2013.
15. Казачество – силовой каркас русской нации // Русский народный фронт. <http://www.rfront.info/2013/03/kazachestvo.html> [Электронный сетевой ресурс]
16. Карамзин Н.М. История государства Российского. Том 5.
17. Ковалева О.В. Политическое поведение казачества в сфере межнациональных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. №3, 2001.
18. Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906.
19. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1976. Т.3.
20. Куценко И.Я. Кубанское казачество. Краснодар, 1993. – 582с.
21. Лесин В.И. Бунтари и воины. Ростов-на-Дону, 1997.
22. Маркедонов С.А. Государевы слуги или бунтари-разрушители? (к вопросу о политических отношениях донского казачества и Российского госуд-ва) // Сб. трудов «Консерватизм и традиционализм на Юге России». Ростов-на-Дону. 2002. С.130-160.
23. Маркедонов С.М. От истории к конструированию национальной идентичности (исторические воззрения участников «Вольноказачьего движения») // Ab imperio. №3, 2001.
24. Маркедонов С.М. «С кем и за что мы воевали?»: русская революция и Гражданская война в оценках лидеров «Вольноказачьего движения» // Альманах «Белая гвардия», №8. Казачество России в Белом Движении. М., «Посев», 2005. – С.24-32.
25. Матвеев О.В. Кубанское казачество в сословной структуре Российской империи и тенденции его развития в 60-80-е гг. XIX в. // Проблемы истории казачества: Сб. научных трудов. Волгоград, 1995. – С.32-43.
26. Материалы для истории Войска Донского. Сборник Области Войска Донского статистического комитета. Новочеркасск. 1915. Вып.3. №13.
27. Мациевский Г.О. Идеологемы современного казачьего движения // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), №9(17), 2012.
28. Морозов Е. К вопросу о военной службе казачества. <http://gardva.narod.ru/skv/t/s/s001.html> [Электронный сетевой ресурс]
29. Мохов А.Е. Казачество в системе Российского государства: политологический аспект. Автореф. дис. канд. полит. наук (23.00.02). М., 2005.
30. О казачестве // Русское слово. 1863. №1.
31. Передерий С.В. Концепция возрождения и становления российского казачества. <http://kazaki-irbis.ru/koncept.html> [Электронный сетевой ресурс]

32. Предисловие // Казачий круг. Альманах. 1991. Специальный выпуск – 1.
33. Ригельман А.И. История о донских казаках. – Ростов-на-Дону, 1992.
34. Рыблова М.А. Вольные братства донских казаков: стратегия жизни в «Диком поле» // Сборник тезисов докладов, представленных на ежегодную конференцию «Мужское» в традиционном и современном обществе» (16-18 апреля 2003 г., РНИИ культурного и природного наследия им.Д.С.Лихачева МК РФ и РАН, совместно с Институтом этнологии и антропологии РАН им.Н.Н.Миклухо-Маклая). – М.: Институт этнологии и антропологии РАН им.Н.Н.Миклухо-Маклая, 2003.
35. Савельев Е.П. История Дона и донского казачества в 4-х частях. Ч.2. Средняя история казачества. Новочеркасск, 1916.
36. Сборник II Национального Совета Донских казаков: Отчет IV научно-практической конференции «Восстановление в правах казачьего народа» (30 сентября 2004 г., ст.Гниловская) / Отв. ред. Н.Чайкин. Ростов-на-Дону: «Птица», 2005.
37. Сватиков С.Г. Автономия Дона // Донская волна. – 1919. - №26(54).
38. Сень Д.В. Левиафан государственности и казачество: «У какого царя живём..., тому и служим, верой и правдой казацкой, по чести, без лжи и измены...» http://www.cossackdom.com/articles/s/sen_leviafan.htm [Электронный сетевой ресурс]
39. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1959. Кн.1.
40. Сопов А.В. Проблемы происхождения и становления казачества Юга России. Автореф. дис. канд. ист. наук (07.00.07). Майкоп, 1999.
41. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. М.-Л., 1963. Т.II.
42. Томсинский С.Г. Очерки истории феодально-крепостнической России. М.,Л., 1934.
43. Шуков В.А. Казачья идея // Станица. 2004. Январь, №41.
44. Шуков В.А. Казачья идея – 2: современная практика // Станица, 2006. Июнь. №47.
45. Яковенко И. Подвижен, отчаян, храбр // Родина. 1995.